

СТАТЬИ, ФЕЛЬЕТОНЫ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Публикация Л. А. Евстигнеевой,
Д. М. Климовой и М. Л. Семановой*

ПОСЛЕ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Публикуемая статья Слепцова не имеет в рукописи заглавия. Она не закончена автором, надо полагать, по соображениям цензурного характера. Тема статьи, предназначавшейся, по-видимому, для «Современника», — вопрос о положении крестьян и помещиков после *совершившейся* отмены крепостного права. Этот последний момент, отчетливо проведенный во всем тексте, дает основание для датировки рукописи, на которой не поставлено автором никаких дат; уточняющими опорными пунктами для датировки являются упоминания «Манифеста об освобождении» и последовавших вслед за ним «съездов помещиков в уездные города», т. е., по-видимому, уездных дворянских собраний, где составлялись списки кандидатов, из числа которых губернатор избирал мировых посредников, утверждавшихся затем Сенатом. А так как мировые учреждения были повсеместно открыты лишь к концу июня и к началу июля 1861 г., то, очевидно, статья Слепцова не могла быть написана раньше этих месяцев. Таким образом, мы можем датировать статью второй половиной 1861 г. или началом 1862 г.

Как всегда, Слепцов прибегает в статье к эзоповой речи. Но его иносказания, его ирония здесь просты и понятны, сатира носит почти открытый характер. Таковы, например, суждения писателя о крестьянской реформе, разоблачающие маскировку правительством того факта, что проведена она в интересах крепостников и помещиков.

«Правительство, — пишет Слепцов, — поступило до такой степени деликатно в этом деле, что не взяло даже на себя роли освободителя, и этим доставило помещикам возможность выказать перед целым миром небывалый подвиг великодушия». Писатель провозглашает здесь над теми местами в манифесте от 19 февраля 1861 г., в которых заявлялось, будто крестьянская реформа была предпринята по «вызову», т. е. по желанию и инициативе самого дворянства. «Россия не забудет, — говорилось, например, в манифесте, — что оно <дворянство> добровольно, побуждаясь только уважением к достоинству человека и христианскою любовью к ближним, отказалось от упрядняемого ныне крепостного права и положило основание новой хозяйственной будущности крестьян».

Разоблачению этой фальши служит, по существу, весь остальной материал статьи.

«Историческую» заслугу царского манифеста писатель-демократ усматривает не в признании мнимого «подвига великодушия» помещиков («...мы с вами знаем, какой это подвиг», — язвительно замечает он), а в том, что этот документ, напротив того, «одним разом сдернул маску и вдруг открыл такие вещи, которые мы тщательно скрывали в продолжение многих веков». Нетрудно догадаться, что речь тут идет

* Л. А. Евстигнеева подготовила публикации — «О праздновании 4000-летия России», «Незавершенный замысел „работы о Кавказе“»; Д. М. Климова — «О русской журналистике» и, при участии М. Л. Семановой, «В Петербурге 1863 года»; М. Л. Семанова — «После 19 февраля 1861 г.», «Сатира на церковнический проект сельской школы», «В полосе наступающей реакции», «Объяснительная записка Слепцова по поводу корреспонденции „Из Новгорода“», «Итоги „русского прогресса“», «Реформированная полиция», «Положение печати в провинции», «Труд и развлечение в общественной жизни», «Характер переживаемой эпохи», «Мелкие наброски, отрывки, заметки».

о *вынужденном* признании царским правительством позора крепостнического рабства, под вековым гнетом которого изнывало вплоть до середины XIX столетия многообразное русское крестьянство.

Подлинное отношение помещиков к делу «освобождения» Слепцов показывает на обобщенном материале различных дворянских собраний — губернских и уездных 1858—1861 гг. На этих помещичьих «форумах» разрабатывались сначала проекты реформы, а затем планы и практика проведения ее в жизнь. Общий и главный результат «удивительных разговоров» на этих сословно-корпоративных собраниях писатель формулирует словами: «крестьян нужно поприжать». «Толки и сцены, и совещания, происходившие по поводу вопроса о свободе, — указывает Слепцов, — представляют замечательную картину нравов помещичьего быта». И Слепцов рисует эту картину — глупо-критическую, резко антидворянскую, во многом напоминающую щедринские характеристики помещичьего «скрежета зубовного» по поводу отмены крепостного права. Писатель не ограничивается сообщением фактов произвола и насилия, которые чинили помещики по отношению к крестьянам при проведении реформы (переселение крестьян на неудобные земли). Он задается вопросом о развращающем влиянии крепостного права на самих помещиков и показывает на примерах, которые заимствует как из современности, так и из недавнего прошлого (ополчение 1855 г.), до какого низкого нравственного и умственного уровня опустилось «первое в империи сословие».

По сути дела Слепцов пишет об исторически обусловленном распаде, маразме помещичьего класса России. Тем более неожиданно следующее затем заявление. Писатель высказывает свое «твердое убеждение», что отмена крепостного права открывает перед русским дворянством «путь к умственному и нравственному совершенству» и тем самым возможность «сделаться, действительно, передовым сословием», которое сможет, наконец, «безгрешно» пользоваться своими сословными привилегиями.

Такого рода позиции и формулировки были характерны для дворянско-либеральной публицистики этого времени. Но соскальзывание на эти позиции встречается и у отдельных представителей демократического лагеря, например, у Салтыкова-Щедрина (см., хотя бы, его статьи 1861 г. «Где истинные интересы дворянства?», «Об ответственности мировых посредников»). Что означали приведенные формулировки у Слепцова — сказать с определенностью нельзя. Утверждение, что «теперь только наступает время, когда дворянство может сделаться передовым сословием», осталось, по существу, тезисом. Статья обрывается в начале аргументации этой мысли. В каком направлении стал бы развивать ее Слепцов, к каким выводам привел бы он читателя в заключение своей аргументации, мы не знаем.

Общая же тенденция публикуемой статьи — посмотреть на реформу глазами народа, самого крепостного крестьянства и, таким образом, дискредитировать ее — глубоко демократична. «Но вот, наконец, и дошли мы до осуществления наших лучших надежд», — иронически замечает Слепцов, но тут же показывает, что в некоторых отношениях положение тех, «кто нас кормил и одевал», стало хуже, чем прежде. Эту же мысль встречаем и в повести «Трудное время», в которой крестьяне предпочитают даже дореформенные порядки и приходят к Щетинину проситься в «крепостные».

Всем материалом своей статьи, всем ходом своих рассуждений Слепцов хотел показать читателю, что решение центрального, крестьянского вопроса отодвинуто на задний план; в действительности обскудается вопрос «помещичий». Крестьяне воспринимают весть о воле скептически, недоверчиво; они ждут другой, подлинной воли. «Крестьяне пожались и разошлись молча». Не обойдены в статье и факты, свидетельствующие об активной форме крестьянского протеста: «местная полиция была вынуждена несколько раз прибегать к решительным мерам для водворения порядка и более умеренного образа мыслей между крестьянами». Мы узнаем и в этих словах будущего автора «Трудного времени», повести, в которой крестьяне не подписывают уставных грамот или принимают «подарок» Щетинина только под воздействием «воинских чинов».

Сказать подлинную правду об «освобождении», о правительстве, о дворянстве, о положении крестьянства, разоблачить либеральное славословие в печати, — могла писателю принятая им форма повествования. «Письмо близким людям», рассказ очевидца, «во время разъездов» получающего сведения, факты, прове-

ряющего «на месте», «какие плоды принесли попытки правительства улучшить быт крепостного сословия», — создают впечатление объективности, достоверности, беспристрастия.

По форме (рассказ от первого лица), намерениям повествователя (говорить о том, что «сам видел и слышал») и на основе фактов создать правдивую, разоблачительную картину) статья Слепцова близка к его циклам очерков «Владимирка и Клязьма» и «Письма об Осташкове». Есть основания предполагать, что Слепцов писал эту статью во время поездки в Осташков, т. е. в конце 1861 — начале 1862 г. В статье сказано, что автор живет в уездном городе: «Не знаю, что делалось в других уездах, но в том, где я живу...» Он видит необходимость связать факты городской и деревенской жизни этого времени: «...я должен бы <...> слегка набросать эскизы жизни в уездном городе, так как она тесно связана с жизнью чисто деревенской».

Возникает в связи с этим мысль, что само намерение руководителя «Современника» отправить своего корреспондента в Осташков именно в ту пору, когда в уездных городах отчетливее всего видны были результаты «освобождения», диктовалось не только желанием разоблачить показную сторону жизни одного из «хваленых» провинциальных городов, а главное — обнажить «мерзость» — крепостнический характер крестьянской реформы и тем дискредитировать либеральные славословия в ее адрес. Знаменательно, что при этом выбор падает на Слепцова, еще не сотрудничавшего в «Современнике», но уже зарекомендовавшего себя, очерками «Владимирка и Клязьма», писателем, близким по духу этому журналу.

О том, что Слепцов, живя в Осташкове, наблюдал не только городскую жизнь, но интересовался также и самым ходом реформы и способами «урегулирования» взаимных отношений помещиков и крестьян, свидетельствуют сцены в 4, 5 и 6 «Письмах об Осташкове». В них Слепцов на конкретном материале помещичье-крестьянского быта разоблачает классовую дворянскую суть института мировых посредников и их практику.

О некоторой близости публикуемой статьи к «Письмам об Осташкове» говорят способ собирания материала («на месте») и форма писем, обращенных к читателям, друзьям: «вы легко можете себе представить...» (II, 278); «я вам расскажу» (II, 279) и др. В статье имеется, впрочем, и другой оттенок — обращение будто бы к *определенному* лицу, другу юности: «Помните, как я спорил с одним господином»; «мы оба хохотали». Думается, что это мистификация так же, как, по-видимому, и замечание об «известных стихах»:

В светлой мрачности блистающих ночей
Явился темный свет из солнечных лучей.

Скорее всего это двустишие принадлежит самому писателю и является пародией на стихи поэтов «чистого искусства», например, на такие стихи Фета:

Вчера я шел в ночи, и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать — то яркое сиянье —
Вечерней ли зари последнее прощанье,
Иль утра пламенного луч?

(«Ответ Тургеневу»)

Включил же Слепцов в текст фельетона свое пародийное двустишие не без умысла; он сатирически утрировал в нем спутанность понятий: мрак и свет. И это было также своеобразным намеком на реакционно-крепостническую подоплеку либеральной показной стороны реформы. Отметим, что первая строчка двустишия имеется и в статье Слепцова об Островском (см. 131 стр. настоящего тома).

Всем материалом своей незавершенной статьи Слепцов говорит: реформа не разрешила крестьянского вопроса. В эпиграфе писатель, в духе Некрасова, утверждает, что именно поэтому тема «счастья народного» не устарела, не снята с исторической «повестки», что дело народного освобождения, узурпированное крепостниками-помещиками, надо «начинать сначала». «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» — лаконично сформулировал через десять лет Некрасов в стихотворении «Элегия» вопрос, волновавший его самого и его соратников, в том числе и Слепцова.

«Я ХОЧУ СООБЩИТЬ ВАМ КОЕ-КАКИЕ СВЕДЕНИЯ И ЗАМЕТКИ...»

Эта песня очень долга,
Начинай с начала...

Я хочу сообщить вам кое-какие сведения и заметки, схваченные мною почти на лету во время моих разъездов, о предметах, которые не перестают занимать всех — и помещиков и не помещиков. Я говорю о крестьянском вопросе. Говорю о старой песне, но эта песня теперь не так еще стара, чтобы ее никто не слушал. Не знаю, прибавит ли мое письмо что-нибудь к тому, что уже вам известно из рассказов и статей, которыми запружены в настоящее время журналы. Я знаю только, что, живя в столице, почти невозможно иметь ясного понятия о том, какие плоды принесли попытки правительства улучшить быт крепостного сословия. Здесь только, на месте, я убедился, до какой степени еще мало известно нам все касающееся помещичьего быта. Обличительное направление нашей литературы и вообще тон, с которым относится большинство писателей об этом предмете, можно упрекнуть только в излишней деликатности и даже, если можно так выразиться, в чересчур сентиментальном взгляде на это дело. Вы помните, конечно, то незначительное число повестей и рассказов, в которых изображается помещичий быт, псовые охоты, беспутный, неистовый деспотизм, азиатское чванство или грязная и невежественная сторона домашней жизни наших помещиков, — вы помните, какое тяжелое чувство овладевало читателем, и всякий раз задавал он себе вопрос: «Да где мы, что это за люди? Неужели это та лучшая часть нашего общества, которою гордится Россия? Неужели это развитое сословие? Что же остальные-то?..»

Но всякий раз на выручку являлась успокоительная мысль, что ведь это все преувеличено, что теперь уж этого нет, что с каждым днем мы двигаемся вперед, и, как нарочно, вдалеке где-то мерещится читателю освобождение крестьян, сельские школы и т. д. ... Одним словом, читатель сейчас же старался утешить себя и хоть мысленно перенестись из душного погребца, в который бросала его литература, в ту заповедную Палестину, где реки медовые и берега кисельные. Читатель, лежа на диване, строил себе именно тот план, который строил Обломов. А между тем никто и пальцем не шевелил, никто не сходил с дивана, чтобы приняться за осуществление плана. А если случалось кому-нибудь заговаривать об этом осуществлении, то либералу тут же зажимали рот известными фразами: «Да помилуйте, что вы? Разве это можно? Нет, нам еще рано, наш мужик не дорос еще до этого. Попробуйте, дайте ему свободу, так он вам покажет кузькину мать, в чем она ходит. Вы еще не знаете, что такое русский мужик. Так-то, батенька!». И таким образом разговор кончался. Но вот, наконец, и дошли мы до осуществления наших лучших надежд. Правительство поступило до такой степени деликатно в этом деле, что не взяло даже на себя роли освободителя, и этим доставило помещикам возможность выказать перед целым миром небывалый подвиг великодушия, т. е. великодушием-то называют его помещики, а мы с вами знаем, какой это подвиг. Манифест об освобождении никогда не забудется историею потому, что он одним разом сдернул маску и вдруг открыл такие вещи, которые мы тщательно скрывали в продолжение многих веков. Это был первый обличительный акт, и он столько же принадлежит литературе, как и истории. Сигнал был подан, а за ним уж и потянулся ряд обличительных статей более или менее гласных. Дремавшие до тех пор помещики вдруг накинулись на журналы и газеты. Литература, бывшая до тех пор одним развлечением, мгновенно приобрела в глазах помещиков новое значение. Но все это вам известно, а я хотел говорить вам о том,

МИРОВОЙ ПОСРЕДНИК

Рисунок карандашом Н. П. Загорского, 1867 г.

Третьяковская галерея, Москва

что я сам видел и слышал. Слушайте же! Отношения крестьян к помещику всегда ведь были как-то неестественны, натянуты и, несмотря на уверения наших консерваторов, что отношения эти чисто патриархальные, всегда в них было что-то недосказанное, всегда, даже лучшим из помещиков, казалось, что они как будто в чем-то виноваты перед крестьянами, но теперь — трудно себе представить что-нибудь уродливее, нелепее того положения, в котором стоят помещики в отношении своих крестьян.

Пока еще освобождение было в одних разговорах и шушуканьях, до тех пор и крестьяне смотрели на свободу как на что-то запрещенное и самую мысль об этом считали преступною, но теперь, когда уже слово сказано и его уж не вернешь, когда преступная мысль вдруг получила характер возможности и даже законности и крестьянин видит ясно, что это уж не сон, что рано или поздно, а барщины не будет, теперь-то именно большинство помещиков выказало всю свою несостоятельность относительно того великодушия, о котором прокричали сначала. Тут-то и начали выбиваться наружу те благородные тенденции, которые под маской крепостного протекционизма были как-то незаметны.

Мне бы очень хотелось, чтобы вы слышали хоть часть тех удивительных разговоров, которых я был свидетелем, тех удивительных взглядов на права человека, которые здесь высказываются. Толки и сцены, и совещания, происходившие по поводу вопроса о свободе, представляют замечательную картину нравов помещичьего быта. Начать с того, что весть об этом, пролетевшая с быстротою молнии с одного конца царства русского до другого, произвела какой-то всеобщий столбняк, все ждали этого, но никто почти не мог себе представить, чтобы дело решилось так скоро. Но

столбняк был непродолжительным: помещики пришли в себя, и сейчас же вся корпорация распалась на две партии: одна половина нашла нужным тут же задать своим крестьянам острastку на всякий случай, а другая — мгновенно упала духом, стала продавать имения и забираться в города. Нашлись очень немногие, которые поступили в этом случае благоразумно, т. е. созвали своих крестьян и прямо без обиняков объявили, в чем дело. Крестьяне пожались и разошлись молча: в большей части помещичьих имений, против всякого ожидания, вопрос об освобождении был принят тихо и недоверчиво, но так как с ними никто почти не говорил прямо (за исключением очень немногих помещиков), то нет ничего удивительного, что в народе заходили такие слухи и предположения, что местная полиция была вынуждена несколько раз прибегать к решительным мерам для водворения порядка и более умеренного образа мыслей между крестьянами. За этим последовали съезды помещиков в уездные города на совещания для выбора из среды своей депутатов. Что вам сказать об этих совещаниях? Не знаю, что делалось в других уездах, но в том, где я живу, совещания эти вышли как-то чересчур комичны. Непривычка наших помещиков обсуживать общие интересы, а главное, убеждение в том, что своя рубашка к телу ближе, произвели желаемые результаты.

Нисколько не оспаривая убеждения помещиков насчет своей рубашки, я вам могу сказать только, что действительно рано еще нашим помещикам решать такие вопросы, как вопрос о свободном труде. Пожалуйста, только не заподозрите меня в пристрастии к чему-нибудь, исключая истины. Если судьба закинет вас опять когда-нибудь в наши палестины, то вы удостоверитесь в справедливости моих слов. Помните вы тургеневский «Завтрак у предводителя»? Помните, как мы оба хохотали и оба не верили в возможность существования подобных сцен? В это время еще мы были очень молоды и смотрели на все с розовой точки зрения. В это время нам казалось, что нет такого тупого человека, которому нельзя было бы растолковать самой головоломной истины; мы верили в силу ума человеческого, мы имели лучшие понятия о человеке.

Помните, как я спорил с одним господином, который уверял, что наши дворянские выборы не имеют никакого значения, что это одна кукольная комедия, что *общее благо* — это такая же бессмыслица, как известные стихи:

В светлой мрачности блистающих ночей
Явился темный свет из солнечных лучей.

Да, в то время мы действительно были еще очень молоды. Если убеждения ваши на этот счет остались те же, то, конечно, вам будет непонятно, почему помещики нашего уезда, съехавшись в город для обсуждения общественных интересов и в особенности интересов своих крестьян, начали с того, что принялись кричать, не слушая друг друга, а потом перепились и были развезены своими же крепостными по домам. Результат этого совещания был тот, что крестьян нужно поприжать. Вследствие чего многие тут же принялись переселять их на неудобные земли. Я не говорю уж о тех жалких сценах, которые происходили на прочих созещаниях, о тех помещиках, которые никак не могли понять, почему же это они столько лет владели крестьянами, и отцы их, и деды владели, и вдруг теперь так, ни с того, ни с другого, не будут уж владеть.

Нашлись и такие, которые, обвинив в этом деле правительство, стали громко протестовать, приводя то доказательство своих прав на крестьян, что они не привыкли жить иначе, как жили до сих пор. Одна почтенная дама так просто-напросто обругала тех, кто первый заговорил об освобождении, и прямо объявила, что она этого не допустит, что этого не будет и не будет, хоть ты тут тресни. Вам, конечно, все это дико и странно,

ЗАПРЕЩЕННАЯ КАРИКАТУРА.
САТИРИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА
ПОВЕДЕНИЕ КРЕПОСТНИКОВ
ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ
РЕФОРМЫ

— За что же вы всех их поколотили?

— Я в продолжении 30 лет ни одного из них пальцем не тронул, ну а теперь, как они вступили в свои права, надо объяснить, что такое права.

Рисунок Н. А. Степанова. Предназначался для журнала «Искра», август 1861 г. Перечеркнут цензором

Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград

«... помещики пришли в себя, и сейчас же вся корпорация распалась на две партии. Одна половина нашла нужным тут же задать своим крестьянам острастку на всякий случай, а другая — меновенно упала духом...» (Из фельетона Слепцова «Я хочу сообщить вам...»)

вы, конечно, не можете допустить мысли, чтобы все это говорилось и делалось в Европе, в цивилизованном государстве, где есть университеты и даже сельские школы. Вы, пожалуй, не поверите и тому, что даже между так называемыми развитыми-то помещиками, которые были и в университете, есть такие господа, что вот говоришь с ним и ничего, кажется, смотрит ясно на вещи и сам даже говорит: «Да, да, пора нам, пора начать новую жизнь... Это, конечно, рабство, несовременно... они тоже ведь люди...» и т. д. в этом роде, а там уведет вас в угол да и шепнет: «Ведь, что ни говорите, а как же, однако ж, земля-то, за что ж я ее отдам, ведь она моя...». Ну и пошел писать.

И ведь не забудьте, что это люди — передовые люди, составляющие авторитет в уезде, чего же ждать от прочих?

Ведь вы знаете, что о человеке и даже о целом сословии можно судить только тогда, когда являются случаи, где бы могли высказаться ярко свойства его, где он не может скрываться, т. е. где он не в силах маскироваться, потому что человек маскируется везде, где только может. Таким пробным камнем для нашего дворянства служили в последнее время совещания по случаю полюбовного размежевания череполосных владений землею. Можно прямо сказать, что тот, кому не случилось бывать на этих совещаниях, не знает, что такое помещик. Кто не видал, как распотевший поп-посредник чуть не на коленях упрашивает *понять* землевладельцев, что двое никаким образом не могут владеть одним и тем же участком, кто не видал как новичок-посредник, имевший до сих пор веру в душу человека, рвет на себе волосы и посылает к чертям свою должность и проклинает день своего рождения, видимо, теряя веру в свой собственный рассудок, и вылезает из кожи, стараясь убедить своих клиентов

в том, что́ ясно, как день, и, по-видимому, не требует никаких доказательств, кто видел все это, тот только может сказать, что он видел помещиков. И поверите ли вы, когда я вам скажу, что посредник, удостоверясь в решительной невозможности сделать что-нибудь путем рассудка, прибегает к хитрости, к помощи разных уверток, лести и самых нелепых доводов, (ему) каким-нибудь чудом удается примирить двух непримиримых, то примиренные тут же перестают кричать, целуются, бросаются в объятия посредника и благодарят его за то, что он примирил их. Сейчас шампанского — и пошла потеха. И вы через полчаса, глядя на всеобщее довольство, взаимные нежности, думаете, что весь этот дикий спор был только комедия, что помещики были всегда закадычными друзьями, но разыграли комедию для того только, чтобы подшутить над вами. Чтобы вполне дорисовать картину помещичьего быта в нашем уезде, я должен бы, по крайней мере, слегка набросать эскизы жизни в уездном городе, так как она тесно связана с жизнью чисто деревенской, я должен бы изобразить вам, например, съезды у помещиков и у городских властей* с целью чисто специальной — мужчины для выпивки, а дамы для того, чтобы резать друг друга нарядами и намеками, нужно бы также коснуться слегка и жизни домашней, но я боюсь дотрагиваться до этих наболевших мест, потому что эти прелести, вероятно, вам более или менее известны из повестей и рассказов, а главное, что больные такого рода держатся одного очень странного правила: мы знаем, — говорят они, — что вы знаете, да не хотим, чтобы вы говорили об этом.

Но несмотря ни на какие помещичьи правила, я бы должен был из уважения к истине сообщить вам кое-что о тех грустных результатах, к которым привело крестьян помещичье управление. Да, если можно упрекнуть наш народ в том нравственном отупении и отсутствии всяких понятий о чести, религии и нравственности, то всему этому он обязан крепостному состоянию. Многие, возражая на это, указывают на так называемых вольных крестьян, говоря, что нравственность их ничем не лучше помещичьих; но вы понимаете, что было бы крайне близоруко проводить резкую грань между теми и другими. Разве экономические, казенные и прочие крестьяне не те же крепостные, разница только в том, что у вольных — помещики носят мундир и состоят на государственной службе, что они, так сказать, помещики *ex-officio***, а те добровольные. Но я не думаю говорить о чиновниках — об них и так уж много говорили, мне хотелось бы только набросать вам легкий очерк того нравственного и умственного отупения, в которое впали сами помещики вследствие крепостн(ого) состояния. Я считаю лишним трактовать о том, откуда взялось помещичье право как официальное, так и добровольное, корень-то у них один. Человек по природе ленив, а притом еще, когда он видит, что другой работает и вследствие своей неразвитости может работать даже и для первого, то, конечно, у первого является желание воспользоваться трудом другого и даже облечь стремление пользоваться трудом ближнего в законную форму, придать ему привычный вид, для того, чтобы обеспечить себя и на будущее время.

Все это очень естественно, и делается постоянно у диких народов, где право сильного — единственное право. Смешно сказать, что большинство наших помещиков не признает до сих пор других прав. И это цвет

* На этих совещаниях, не знаю почему, приходил мне в голову всегда один мой родственник, который всегда хвастался своей справедливостью: «Придут ко мне, бывало, два мужика, — говорит он, — и жалуются друг на друга, а я, не говоря ни слова, возьму их обоих, да и выпорю: что ж вы думаете — после этого оба в ноги мне кланяются: „Спасибо, — говорят, — батюшка, что уму-разуму нас наставляешь“». — *Прим. Слепцова.*

** по долгу службы (*лат.*).

русского общества. Это то привилегированное сословие, на которое возлагаются все наши надежды. Посмотрите, что оно сделало, это сословие и с своими безответными крестьянами, да и с собою. О чем мы думали до сих пор, чего мы ждали? Дворянство — опора отечества! И эта опора дожила до того, что ей говорят — пора же ведь и честь знать! Передовому сословию напоминают, что оно отстало!.. А не будь этого напоминания, чего доброго, ведь мы бы, пожалуй, еще лет десяток-другой торговали бы живыми душами. Куда нам, над нами не каплет. Сделали ли мы хоть что-нибудь прочное даже и для самих себя? Сумели ли мы воспользоваться даже теми льготами и правами, которые были нам предоставлены правительством? Уж не говоря о том, что мы пальцем не пошевелили, чтобы сделать что-нибудь для тех, кто от нас зависел и кто нас кормил? Нет, у нас даже благодарности к ним не осталось, простого чувства благодарности, свойственного даже и дикарям. А у нас ли не было в руках возможности развиться и развить других? Да и могли ли мы думать об этом, когда мы нашим собственным детям внушали прежде всего правила низкопоклонничества перед высшим, нелепого чванства перед низшим и с молоком матери всасывали ненависть и пренебрежение к тем, кто нас кормил и одевал. Могли ли мы думать о развитии, когда мы видели на каждом шагу, что знание, что честный труд глохнут где-то на чердаках, а связи, дамское покровительство и деньги делают всё.

Нет, знаете ли, что я вам скажу!.. Я твердо убежден в том, что теперь только наступает время, когда дворянство может сделаться, действительно, передовым сословием, что теперь, когда оно волей или неволей лишится средств пользоваться чужим трудом, когда оно должно будет подумать о себе, теперь только сможет оно безгрешно воспользоваться своими привилегиями, которые могут облегчать ему путь к умственному и нравственному совершенству. Не забудьте, что дворянство в России — единственное сословие, которое могло бы, безусловно, делать ассоциации с целью обсуживать свои интересы, право это, как известно вам, дано ему правительством. Посмотрите ж, что мы сделали из этого права. «Единственные ассоциации, удающиеся у нас, — это с целью напиться до безобразия лица», — сказал кто-то очень удачно. В этих случаях, действительно, мы видим полное согласие. А ведь, если рассудить строго, то и попойки наши почти всегда кончаются дракой или скандалом. Даже и в этом мы не так-то далеко ушли от наших предков. Всякие другие соображения, где только есть общий интерес, у нас как-то не клеятся. Вот хоть бы ополчение. Припомните, что это за комедия вышла в то время. Как только объявлен был манифест, все трактиры и бульвары мгновенно запрудились серыми ополченцами, которые тут же, не выходя из города, принялись пробовать свои силы и выказывать воинские поползновения в деле разбиивания морд, неистового пьянства и самого свирепого патриотизма; патриотизм, впрочем, ограничивался более предпочтением сивухи перед прочими винами. Что делалось у нас в уезде, так это вы себе вообразить не можете. Начать с того, что наше благородное дворянство, позасидевшись в деревне и сильно обленившись, приняло приглашение ополчаться очень неблагосклонно. Помещики наши отличались военными добродетелями только разве в схватках с исправниками или даже с своими крестьянами и вообще были более склонны к мирным занятиям псового охотника или семьянина, а потому съехались на совещание в уездный город как-то неохотно, соображая все пожертвования, которые нужно будет понести в пользу патриотизма. Но, съехавшись и порассудив кой о чем, значительно успокоились — и в силу того, что на людях и смерть красна, — вдруг почувствовали бранный позыв..

<1861 — 1862 гг.>